51039

НАРОДНЫЯ БЕСѢДЫ.

№ 22.

753—25

Н. Езерскій.

ПРАВО и РЕВОЛЮЦІЯ.

Цѣна 20 коп.

Издательство преподавателей Московскаго Университета

МОСКВА.
Тип. Т-ва Рябушинскихъ, Страстн. б., Путинковскій п., № д. 3.
1917.

51039

НАРОДНЫЯ БЕСѢДЫ.

№ 22.

Н. Егорскій.

ПРАВО И РЕВОЛЮЦІЯ.

Издательство
Преподавателей
Московскаго
Университета

Цѣна 30 коп.

МОСКВА.
Тип. Т. в. Рябушинскихъ, Страстн. б., Путинковскій п., № д. 3.
1917.

753 — 25
Государственная Историческая Библиотека РСФСР
№ 22094 65
М

Право и революція.

Революція, потрясая государство сверху до низу, заставляетъ насъ не только передѣлывать устарѣлыя формы и отбрасывать отжившія учрежденія, но и провѣрять себя, продумывать и прочувствовать, такъ сказать, самыя основы гражданской и государственной жизни. Революція не только создаетъ новое право, она заставляетъ народъ провѣрять понятіе права вообще, глубже внѣдряетъ его въ народное сознаніе, ибо безъ этого понятія революція вырождается въ анархію и кончается проваломъ.

Право возникло издревле, хотя лишь медленно человѣкъ приходилъ къ ясному его сознанію, останавливался на опредѣленныхъ началахъ права и вырабатывалъ учрежденія и пріемы защиты права, чтобы оно дѣйствительно обезпечивало человѣческую личность и правильный ходъ общественной жизни.

Ни одно человѣческое общество не можетъ существовать безъ правилъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія людей. Всякій человѣкъ имѣетъ свои потребности, желанія, прихоти, всякій изъ насъ временами поддается гнѣву, увлекается страстью, иной—жадностью къ деньгамъ, другой—жаждой власти. Если бы каждый могъ дѣлать то, что ему вздумается, забирать себѣ то, что ему нравится, мстить другому человѣку, котораго онъ считаетъ своимъ обидчикомъ, то совмѣстная жизнь была бы невозможна; она состояла бы изъ непрерывныхъ ссоръ и борьбы за власть, за богатства, которыхъ никогда не хватитъ на удовлетвореніе всѣхъ прихотей; каждая обида вела бы къ долгой кровопролитной междоусобицѣ, потому что месть за обиду явилась бы но-

вой обидой, за которую мститель долженъ былъ бы расплачиваться передъ первымъ обидчикомъ или его родными, а это вызывало бы новую месть и такъ далѣе, въ теченіе всей жизни и даже дольше, потому что сыновья являются мстителями за отцовъ. Такъ именно и бываетъ у полудикихъ народовъ, напр., у албанцевъ, тамъ, гдѣ нѣтъ признанной власти, суда, вообще организацій, сдерживающихъ личную месть и расправу; тамъ господствуетъ кровная родовая месть, переходящая изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Но даже у самыхъ дикихъ народовъ, живущихъ въ первобытныхъ лѣсахъ и степяхъ, есть нѣкоторая организація; они вмѣстѣ работаютъ, охотятся, защищаются отъ нападенія враждебнаго племени; чтобы дружно воевать или охотиться, нужны правила, опредѣляющія, во-первыхъ, обязанности каждаго члена племени, и, во-вторыхъ, его права и долю добычи въ случаѣ удачи; иначе каждый будетъ выбирать себѣ дѣло полегче, а при дѣлежѣ сильный будетъ захватывать долю слабаго, пока не явится еще болѣе сильный, который ограбитъ перваго. Правила работы, войны, охоты, дѣлежа добычи вырабатываются дикимъ племенемъ на практикѣ, складываются будто сами собой, постепенно укореняются такъ, что соблюденіе ихъ становится обязательно. Это не простой договоръ между членами племени, не постановленіе схода: это—завѣтъ отцовъ, который долженъ быть святъ и нерушимъ; иногда его освящаетъ и религія, то-есть дикари считаютъ, что ихъ языческіе боги будутъ мстить, напримѣръ, за нарушеніе клятвы или за обиду, причиненную страннику, потому что гостепріимство считается долгомъ даже у многихъ дикихъ племенъ. Нарушителя караетъ все племя, штрафуя, изгоняя или даже убивая преступника. Все племя на сходѣ или старики, уважаемые за опытъ и прошлую службу своему племени, творятъ судъ, разбираютъ споры, постановляютъ приговоры, которымъ всякій долженъ подчиниться. Такъ возникаетъ первобытное народное право; оно называется обычнымъ, потому что оно нигдѣ не записано, а существуетъ съ незапамятныхъ временъ, какъ обычай, всѣмъ извѣстно и пе-

реходитъ изустно отъ стариковъ къ внукамъ. Оно тѣмъ не менѣе является правомъ, обязательнымъ для всѣхъ, и подчиненіе ему основывается не только на страхѣ наказанія, но на сознаніи народа, что это предками установленныя правила, что безъ нихъ жить нельзя, что нарушеніе грозитъ гибелью и человѣку, и народу, допускающему у себя такое нечестіе, неуваженіе къ преданіямъ и обычаямъ. Обычное право существуетъ еще среди нашего крестьянства, въ семейномъ быту и до послѣдняго времени многіе обычаи, даже не юридическіе, считались обязательными, и очень косо смотрѣли на вольнодумца, который ихъ нарушалъ.

Обычай сталъ постепенно замѣняться писаннымъ закономъ потому, что обычай складывается медленно, а жизнь требуетъ быстро разрѣшить вопросъ, опредѣлить отношенія людей между собой или отношеніе ихъ къ имуществу, къ землѣ, когда развилось земледѣліе. Сама жизнь стала сложнѣе, населеніе размножилось, увеличились промыслы, занятія жителей стали разнообразнѣе, обособились сословія земледѣльцевъ, ремесленниковъ, купцовъ, воиновъ-дружинниковъ. Появилась власть монарха, на Руси—князя, который командовалъ войскомъ-дружиной, но и въ мирное время проявлялъ власть,—собиралъ подати, разбиралъ споры, каралъ нарушителей порядка. Онъ же сталъ и устанавливать законы; первоначально онъ просто подтверждалъ и записывалъ существовавшій обычай или по какому-нибудь частному судебному дѣлу постановлялъ рѣшеніе, и потомъ оно примѣнялось уже какъ обязательное правило, во всѣхъ сходныхъ случаяхъ. Такъ постепенно стали складываться законы, управляющіе всей народной жизнью. Сперва они издавались съ участіемъ самого народа; на Руси князь предлагалъ ихъ на вѣчѣ, то-есть на всенародномъ собраніи, въ славянской Сербіи краль (князь) издавалъ ихъ, посовѣтовавшись съ народной скупштиной (собраніемъ), и сербское право, до завоеванія Сербіи турками, было очень близкимъ къ народному праву и обычаямъ. Когда государство, какъ московское царство, стало слишкомъ велико, чтобы созывать весь народъ въ одно мѣсто на вѣче, то стали со-

зывать выборныхъ отъ всѣхъ сословій на Земскій Соборъ. Такъ было и въ другихъ странахъ, но только въ одной Англіи эти представители народа сумѣли сохранить свое значеніе, въ борьбѣ со своими королями и добились признанія и расширенія своей законодательной власти, и такимъ образомъ въ Англіи не прерывалось участіе народа въ законодательствѣ.

Въ другихъ странахъ монархъ постепенно присвоилъ себѣ одному право законодательства. Конечно, такимъ путемъ законы могли издаваться скорѣе, чѣмъ при обсужденіи, для котораго надо было созывать народныхъ представителей со всего государства; при томъ монархи могли пользоваться совѣтами ученыхъ людей, мыслителей, перенимать готовыми лучшіе законы другихъ народовъ, иногда даже заимствовали законы изъ древнихъ книгъ, римскихъ и греческихъ сборниковъ законовъ. Въ такихъ законахъ могло быть много и хорошаго, но эти законы издавались помимо народа, могли быть чужды и непонятны ему, а часто и мало пригодны для его жизни. Монархъ жилъ вдали отъ народа, не зналъ его нуждъ, не могъ лично судить, что полезно, что вредно. Ученые и мыслители тоже жили въ сторонѣ отъ народа и, даже при желаніи осчастливить его, придумывали иногда законы неподходящіе. А законы, цѣликомъ взятые отъ другого народа или списанные съ древней книги, и вовсе не годились для народной жизни. Кромѣ того, слуги монарха, приближенные, тянули въ свою сторону, старались провести законы, какіе имъ были выгодны. Наконецъ, часто государство завоевывало новыя области и завоеванному народу навязывало свои законы. Такъ законъ сталъ все больше расходиться съ народнымъ правосознаніемъ, съ народной совѣстью. Въ немъ оказывалось много несправедливаго, стѣснительнаго или просто устарѣлаго. Повиновался ему народъ только изъ страха наказанія, и въ самомъ народѣ выростало не уваженіе къ закону, какъ бы должно, а вражда къ нему и къ власти, его издающей, тѣмъ болѣе, что онъ часто примѣнялся неправильно, не ко всѣмъ одинаково; сильные и

ловкіе люди нарушали или умѣли его обходить, откуда и создалась поговорка: «Законъ, что дышло,—куда повернешь, туда и вышло». Это вредило всей народной жизни, потому что обходъ закона создавалъ несправедливость, раздраженіе въ народѣ, желаніе каждаго обойти, ускользнуть отъ закона, и такъ, постепенно, вся народная жизнь лишалась твердаго правила, равнаго для всѣхъ и неизмѣннаго, которое могло бы разрѣшать всѣ частные споры. Власть становилась чуждой, а потомъ и враждебной народу. Чувствуя же свою непрочность, она тѣмъ болѣе давила народъ, заводила жандармовъ, сыщиковъ, не соблюдала сама ею же изданныхъ законовъ и тѣмъ увеличивала народное раздраженіе и ненависть.

Тамъ, гдѣ народъ имѣетъ голосъ въ законодательствѣ и управленіи,—есть мирный, законный путь къ измѣненію положенія, къ борьбѣ съ злоупотребленіями: народъ можетъ добиться смѣны дурныхъ законовъ и дѣйствительнаго соблюденія хорошихъ. Тамъ, гдѣ народу не дано никакого голоса, гдѣ самодержавная власть одна распоряжается всѣмъ, тамъ создается безвыходное положеніе. Безъ закона, безъ опредѣленнаго порядка не можетъ существовать организованный народъ; но дѣйствующій законъ плохъ, а измѣнить его нѣтъ никакихъ средствъ,—въ предѣлахъ существующаго порядка. Здѣсь остается одно средство—революція.

Революція есть насильственное измѣненіе существующаго порядка, выражающееся, прежде всего, въ устраненіи старой власти. Исходъ революціи при побѣдѣ народа бываетъ различный. Иногда дѣло ограничивается только смѣной монарха; иногда свергается вся династія, но оставляется монархическая власть, передаваемая другой династіи, какъ было во Франціи въ 1830 году. Иногда монархъ упорствуетъ, сопротивляется, затѣваетъ войну съ собственнымъ народомъ, какъ король Карлъ I въ Англіи, или зоветъ себѣ на помощь иностранцевъ, какъ Людовикъ XVI во Франціи; оба эти короля были побѣждены, судимы и казнены, какъ измѣнники отечества. Иногда монархъ, убѣдив-

шись, что всѣ его покинули, отрекается отъ престола, какъ нашъ Николай II. Во всякомъ случаѣ въ государственной жизни происходитъ переломъ: мѣняется самый источникъ власти, ибо переворотъ подтверждаетъ право народа на контроль всякой власти, даже если она передается потомъ другому монарху. Но тутъ есть еще второе важное обстоятельство, грозящее осложненіями. Революція основывается не на законѣ, а **на силѣ**; при самодержавіи народъ не имѣетъ опоры и защиты въ законѣ, напротивъ, законъ является орудіемъ для подавленія народныхъ стремленій; здѣсь передъ народомъ стоитъ глухая стѣна, которую приходится разбивать силой, **нарушая законъ**. Вотъ это и влечетъ за собой потрясеніе всей народной жизни и подвергаетъ опасности весь общественный порядокъ. Во-первыхъ, если революція должна прибѣгать къ силѣ, то кто поручится, что тотъ, кто сильнѣе, не захватитъ въ свои руки власть и не будетъ тоже **злоупотреблять** ею противъ народа? Во-вторыхъ, революція должна сама издавать законы, творить новое право, согласное съ волей народа. Но когда низвергнута привычная власть, новая **не сразу пріобрѣтаетъ уваженіе** и повиновеніе всѣхъ гражданъ, и законы, издаваемые ею, нерѣдко остаются на бумагѣ безъ примѣненія, а это тормозитъ всю жизнь и рождаетъ въ народѣ **недовѣріе** къ новому правительству, что отчасти происходитъ и у насъ, теперь. Въ-третьихъ, въ революціи остается неопредѣленнымъ, какіе именно законы отмѣнены. Революція ураганомъ сметаетъ самые важные законы объ устройствѣ государства, о правахъ монарховъ, и самого монарха, но не можетъ отмѣнить всѣ законы, потому что тогда все придетъ въ безпорядокъ. Однако, когда отмѣнены главные законы, когда пала сама старая власть, то колеблется уваженіе къ закону вообще, является подозрѣніе, что всѣ законы были выдуманы старою властью только для угнетенія народа; каждому хочется поскорѣе воспользоваться полной свободой, при чемъ каждый понимаетъ ее по своему и требуетъ свободы, прежде всего, для себя самого, для своихъ желаній и дѣйствій: еще въ 1905 г. послѣ

манифеста 17 октября говорили, что свободы совѣсти, слова, собраній недостаточно, нужна «свобода дѣйствій», т.-е. предоставленіе каждому дѣйствовать самому, какъ ему вздумается, и слѣдовательно не соблюдать ни одного закона, ни одного правила, которое ему кажется стѣснительнымъ. Примѣръ перваго революціоннаго натиска, свергнувшаго самодержавіе, соблазняетъ повторять его каждый разъ, какъ только какой-нибудь законъ или установленныя правила мѣшаютъ кому-нибудь выполнить свои желанія или развернуться во-всю при свободномъ строѣ. При такомъ убѣжденіи каждая группа гражданъ начинаетъ тянуть въ свою сторону, каждый хочетъ сразу получить всю выгоду отъ свободы для себя, надѣется добиться этого прямымъ дѣйствіемъ, давленіемъ на другихъ гражданъ, скорѣе и полнѣе, чѣмъ изданіемъ новыхъ законовъ чрезъ посредство новыхъ демократическихъ учрежденій. Вмѣсто политической, гражданской свободы каждый добивается для себя лично **неограниченной свободы дѣйствій**; вмѣсто общей работы надъ созданіемъ общенародныхъ демократическихъ государственныхъ учрежденій, отдѣльная кучка гражданъ старается оградить свои выгоды, добиться независимости или даже власти надъ другими, не думая о справедливыхъ требованіяхъ другихъ гражданъ, ни объ укрѣпленіи общей свободы путемъ созданія и поддержки общегосударственныхъ учрежденій. А безъ нихъ вся эта свобода, всѣ плоды революціи остаются какъ бы висящими въ воздухѣ, безъ поддержки, на произволъ всякихъ силъ, борющихся между собой.

А это грозитъ гибелью и свободѣ, и всѣмъ тѣмъ благамъ, какія принесла съ собой для народа революція. Постоянное же возобновленіе революціонныхъ натисковъ со стороны отдѣльныхъ группъ вызываетъ общее тревожное настроеніе, неопредѣленность будущаго, стѣсняетъ и путаетъ всякіе расчеты на это будущее, и отъ этого происходитъ ослабленіе всякой работы, предпріимчивости, застой въ производствѣ, параличъ хозяйственной жизни страны,

который опять-таки ведетъ къ гибели свободы, потому что является нужда, даже мѣстами голодъ, недовольство новымъ строемъ, разочарованіе въ этой свободѣ, хотя виновата не свооода, а неумѣнье пользоваться ею.

Къ сожалѣнію, это какъ разъ и стало происходить у насъ послѣ революціи. Не только отдѣльные города и уѣзды, но даже отдѣльныя мѣстности объявляютъ себя независимыми отъ общенароднаго правительства (Кронштадтъ, Кирсановскій уѣздъ, Святогорская республика Харьковской губ. и т. д.); отдѣльныя крестьянскія общества захватываютъ ту землю, какую имъ выгодно захватить, не спросясь ни собственника, ни сосѣдей, ни Временнаго Правительства; мѣстные фабричные комитеты рабочихъ пытаются овладѣть фабриками, напр., въ Орѣховѣ-Зуевѣ; наконецъ, попросту грабители захватываютъ дома, грабятъ имущество, угрожаютъ смертью всякому, кто имъ сопротивляется, и, такимъ образомъ, осуществляютъ полную «свободу дѣйствій», отъ которой другимъ гражданамъ не стало ни житья, ни покоя. И нерѣдко оказывается, что среди людей, которые призываютъ къ самочиннымъ насильственнымъ дѣйствіямъ, есть охранники, служившіе старому режиму и получавшіе отъ него большое жалованье. Для нихъ, явное дѣло, выгодно довести государство до безпорядковъ, смуты, анархіи, чтобы погубить свободу и потомъ повернуть все на старый, столь прибыльный имъ режимъ.

Этотъ ложный путь анархіи соблазняетъ только тѣхъ, кто не отдаетъ себѣ отчета ни въ значеніи закона и права вообще, ни въ смыслѣ революціи какъ государственнаго переворота.

Революція представляетъ дѣйствительно рѣзкій насильственный переворотъ, ниспроверженіе стараго невыносимаго строя. Но, во-первыхъ, она бываетъ успѣшна только тогда, когда является **государственнымъ, общенароднымъ дѣломъ** освобожденія всего народа отъ гнета и произвола кучки лицъ, захватившихъ власть. Если одна часть населенія возстаетъ на другую, то изъ этого получается междоусобіе, а не революція; если кучка какихъ - нибудь часто-

любцевъ, преслѣдуя свой интересъ, возстаетъ и захватываетъ власть, пользуясь, напр., поддержкой военной силы, то происходитъ дворцовый или военный переворотъ, смѣна однихъ господъ и угнетателей другими. Такихъ переворотовъ во всѣхъ странахъ было множество; могущественная римская имперія въ древности и еще болѣе византійская имперія очень страдали и погибли отчасти именно отъ нихъ, но ни одинъ такой переворотъ никогда не облегчалъ положенія народа, ибо служилъ на пользу лишь кучкѣ людей. Наша революція была произведена арміей въ союзѣ съ народомъ и ради освобожденія всего народа, но уже показываются грозные признаки, что не всѣ граждане это понимаютъ, что есть и въ арміи люди, которые готовы воспользоваться своей силой и оружіемъ, даннымъ на защиту отечества, для того, чтобы подчинить своему произволу другихъ гражданъ. Въ городѣ Царицынѣ, гарнизонъ или, можетъ быть, только худшая часть гарнизона, вопреки демократическимъ принципамъ, присвоила себѣ власть надъ остальными жителями, обложила ихъ данью въ полтора милліона рублей и убивала тѣхъ, кто на собраніяхъ возражалъ этимъ новымъ разбойникамъ; этотъ несчастный городъ служитъ намъ грознымъ предостереженіемъ, указывая, къ чему могутъ повести революціонныя выступленія отдѣльныхъ частей населенія.

Во-вторыхъ, революція является исключительной мѣрой при такомъ строѣ, который закрываетъ всѣ пути къ мирному исходу; вродѣ того, какъ операція излѣчиваетъ больного, когда обычныя лѣкарства не помогаютъ и нужно удалить больную часть, хотя бы цѣною потери крови и временнаго страданія. Однако было бы нелѣпо, конечно, отъ всякой болѣзни лѣчить операціями, рѣзать больного по всякому поводу, потому что тогда потеря крови въ концѣ-концовъ истощила бы его до смерти, да и не всѣ болѣзни можно «вырѣзать»: лихорадка коренится въ крови, и лѣчить ее надо медленно и упорно.

Самодержавный строй закрываетъ путь къ мирному улучшенію, потому что въ немъ все рѣшаетъ воля одного

человѣка, царя, а если онъ захочетъ поставить на своемъ, не понимая или не желая признавать пользы государства и народныхъ потребностей и желаній, то нѣтъ законнаго способа заставить его прислушиваться къ голосу народа. Даже въ томъ полусамодержавномъ строѣ, какой былъ у насъ съ 1906 г. по 1917 годъ, при существованіи народнаго представительства, народъ не могъ почти ничего добиться, потому что власть была въ рукахъ министровъ, чиновниковъ и полиціи; Государственную Думу разгоняли, когда она настаивала на народныхъ требованіяхъ, какъ это было съ первой и второй Думой. Даже во время войны Государственная Дума, четвертая по счету, не могла добиться нужныхъ преобразованій и прекращенія злоупотребленій, а когда она хотѣла взяться за продовольственное дѣло, доведенное старымъ правительствомъ до полной разрухи, она тоже была распущена указомъ 25 февраля 1917 г. Тогда-то всѣ убѣдились, что нѣтъ иного пути спасти государство отъ голода, измѣны, отъ пораженія на войнѣ, какъ свергнуть старое правительство.

Когда выполнена эта необходимая государственная операція, когда введено народное правленіе съ всеобщимъ голосованіемъ, тогда народъ получаетъ въ собственныя руки власть, и передъ нимъ открывается широкій и свободный путь производить мирно измѣненія въ своей жизни и въ государствѣ. Тогда революція становится нелѣпостью: **противъ себя ли самого будетъ бунтовать народъ?** Когда есть народное правительство, то требовать, чтобы народъ самъ и насильственнымъ путемъ производилъ преобразованія, значитъ либо ломиться въ открытую дверь, не разобравъ дѣла, либо прямо противорѣчить демократическому строю. Именно это противорѣчіе сказывается въ раздающихся подчасъ призывахъ большевиковъ къ «диктатурѣ пролетаріата», или, вѣрнѣе, попросту къ тому, чтобы совѣты рабочихъ депутатовъ захватили всю власть въ государствѣ въ свои руки, отъ чего они сами, впрочемъ отказываются: **пролетаріатъ**, т.-е. классъ фабричныхъ рабочихъ, составляетъ меньше десятой доли населенія русскаго

народа и его **диктатура**, то-есть неограниченная власть распоряжаться **всѣмъ** въ государствѣ, была бы противна демократіи, при которой власть принадлежитъ совокупности всѣхъ безъ исключенія гражданъ. Революція при демократическомъ строѣ, какими бы именами и предлогами она ни прикрывалась, ведетъ всегда къ установленію власти одной части населенія надъ другою.

Иному кажется слишкомъ медленнымъ путь разсмотрѣнія каждаго вопроса законодательнымъ учрежденіемъ, народными представителями, а такъ какъ почти всякій склоненъ считать, что его желанія подлежатъ немедленному удовлетворенію, то и является соблазнъ, разъ есть хоть временная сила въ рукахъ, скорѣе захватить то, чего хочется, не теряя времени на ожиданіе и не подвергаясь возможности получить отъ государственныхъ учрежденій отказъ въ своемъ требованіи. Но это опять-таки показываетъ только нежеланіе подчиниться общему голосу, **желаніе поставить свою волю выше воли народа**, свои интересы и желанія выше общей пользы отечества. Это опять-таки возвращеніе къ пріемамъ самодержавія, которое ставило свою волю и выгоду выше всего остальнаго. Тамъ дѣйствительно по волѣ одного человѣка сразу рѣшались всѣ вопросы, скоро, да зато часто невѣрно и несправедливо. Никто въ своемъ дѣлѣ не судья, и если бы каждый изъ насъ сталъ руководиться своимъ собственнымъ сужденіемъ и дѣйствовать въ силу своего только рѣшенія, то несправедливости было бы больше, чѣмъ при старомъ строѣ. Демократія держится не только свободной, но и **дисциплиной**, т.-е. **общимъ согласнымъ подчиненіемъ волѣ большинства**; свобода, которая отличаетъ новый строй отъ стараго, самодержавнаго, состоитъ не въ свободѣ личнаго произвола и не въ свободѣ отдѣльныхъ безпорядочныхъ выступленій, которыя позволили бы сильному давить слабаго и превратили бы демократію въ анархію: это есть **политическая свобода**, т.-е. **право гражданъ участвовать въ законодательствѣ и управленіи государствомъ**, но не право отбрасывать вовсе это государство. Это право политической

свободы, которое всѣ народы завоевывали дорогой цѣной, есть **обязанность гражданъ служить своему народу**, заботиться о его благѣ, даже жертвовать собой для него, и только такимъ путемъ, чрезъ посредство общенародныхъ учрежденій, въ дружномъ сотрудничествѣ согражданъ защищать и свои права и интересы, добиваться осуществленія своихъ желаній. Демократія отличается отъ анархіи тѣмъ, что она есть **освобожденіе каждаго чрезъ посредство всѣхъ**; она не разрушаетъ, а напротивъ еще тѣснѣе скрѣпляетъ связь между людьми и ставитъ личность подъ защиту всего народа.

Несомнѣнно, что и въ демократіи могутъ совершаться несправедливости. Законъ, принятый собраніемъ всѣхъ народныхъ представителей, можетъ заключать въ себѣ недостатки; иной гражданинъ можетъ быть дѣйствительно стѣсненъ имъ, и ему кажется, что своими силами онъ лучше охранилъ бы себя, чѣмъ прибѣгая къ помощи законовъ и установленныхъ демократическихъ властей. Однако это, во-первыхъ, обманчивая мысль: если одинъ законъ оказывается для него притѣснителенъ, то тысяча другихъ законовъ охраняютъ того же гражданина отъ всякихъ обидъ; нельзя же исполнять только тѣ законы, которые мнѣ выгодны и пріятны, отказываясь отъ исполненія остальныхъ, которые расчитаны на охрану всѣхъ гражданъ, на общую пользу. Во-вторыхъ, часто кажется стѣснительнымъ тотъ законъ, который по опыту всѣхъ странъ и народовъ совершенно необходимъ для общаго хода дѣлъ въ государствѣ; каждый судитъ о немъ только съ своей стороны, не представляя себѣ **общей пользы** и не предвидя послѣдствій, которыя произошли бы отъ нарушенія его. Напримѣръ, человѣку, ведущему дѣло въ судѣ, кажутся очень стѣснительными всякіе сроки, установленные для подачи жалобъ, вызова свидѣтелей, условія пересмотра дѣла и т. д. Между тѣмъ, если бы никакихъ сроковъ не было, если бы каждое рѣшеніе суда можно было безъ конца обжаловать и пересматривать, то судебныя дѣла тянулись бы десятками лѣтъ, судъ былъ бы заваленъ жалобами по старымъ дѣ-

лам, въ которыхъ и разобраться уже невозможно, а новыя дѣла, ежедневно возникающія и требующія рѣшенія, откладывались бы за недосугомъ и тоже затягивались бы безъ конца; народъ остался бы безъ суда и закона и отъ этого пострадали бы всѣ. Далѣе, жизненный опытъ всѣхъ народовъ показалъ, что наказанія необходимы для людей, неподчиняющихся добровольно общему порядку и обижающихъ своихъ согражданъ. И мы сейчасъ сдѣлали тотъ же опытъ. Благодаря задержкѣ въ отправленіи правосудія, неустройству тюремъ, отсутствію милиціи и другимъ причинамъ, за время революціи усилились кражи и грабежи. За отсутствіемъ правильнаго суда народъ сталъ расправляться самосудомъ и убивать воровъ, какъ разъ тогда, когда смертная казнь была отмѣнена. Иногда новыя народныя учрежденія, волостные комитеты брали на себя судъ; это было лучше, чѣмъ самосудъ толпы, но такъ какъ комитеты не считались со старыми установленными уголовными законами, то выходило такъ, что въ одномъ мѣстѣ за воровство присуждали къ 10 днямъ ареста, въ другомъ—къ каторжнымъ работамъ. Выходила вопіющая неравномѣрность и несправедливость. Очевидно, что несмотря на революцію, законы, карающіе за грабежъ, убійство, поджогъ, не могутъ считаться отмѣненными, потому что ни одинъ народъ не можетъ терпѣть такихъ преступленій. Очень важно, чтобы всѣмъ былъ извѣстенъ законъ, запрещающій ихъ, и кара, какою онъ угрожаетъ преступнику; важно, чтобы кара была равномѣрной, чтобы одинъ преступникъ не потерпѣлъ больше, а другой меньше должнаго, смотря по городу или волости, гдѣ судился. Еще болѣе важно, чтобы у всѣхъ гражданъ была увѣренность, что каждый насильникъ понесетъ заслуженное наказаніе и мирные жители будутъ отъ него ограждены. Иначе напуганные и озлобленные граждане будутъ расправляться толпой, а при самосудѣ толпы нѣтъ ужъ ни милости, ни пощады, никакой увѣренности въ справедливости наказанія, наложеннаго безъ суда.

На этомъ примѣрѣ мы видимъ, что отсутствіе закона

для самихъ преступниковъ хуже, чѣмъ самый строгій законъ. Мы видимъ также, что законы не могутъ просто отбрасываться только потому, что они изданы старымъ правительствомъ. Если они плохи, ихъ надо замѣнить другими, но нельзя оставить пустое мѣсто и предоставить случаю опредѣлять отношенія между гражданами. Какъ бы ни былъ стѣснителенъ законъ, мнѣ важно знать впередъ, на что я могу расчитывать, чѣмъ я могу поплатиться, если нарушу законъ, и съ другой стороны знать, въ какихъ случаяхъ я могу найти поддержку въ законѣ, защиту своихъ правъ и требованій. Обязанность исполнять договоры можетъ казаться стѣснительной въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда кто-либо вынужденъ исполнять условія договора, слишкомъ обременительныя для него. Конечно, законъ теперь недостаточно ограждаетъ слабую сторону, но бороться съ этимъ можно улучшеніемъ закона, усиленіемъ слабой стороны, напр., устройствомъ союза рабочихъ для отстаиванія ихъ интересовъ. Но самый законъ, охраняющій договоры, все-таки необходимъ, потому что договоры между гражданами всегда будутъ заключаться, и нужно, чтобы они связывали обѣ стороны, чтобы каждый могъ расчитывать впередъ свои дѣла, и опредѣлять на основаніи ихъ свою жизнь. Если бы всѣ договоры, условія, соглашенія могли въ любой день нарушаться тѣмъ, кто сочтетъ для себя выгоднымъ разорвать условіе и отказаться отъ своего слова, то вся торговля и промышленность остановились бы. Если кому-нибудь кажется, что всѣ эти частные договоры могли бы замѣниться государственнымъ вмѣшательствомъ, что граждане могли бы стать независимыми другъ отъ друга и работать только на государство, то вѣдь это сводится къ тому, что вмѣсто одного закона, опредѣляющаго теперь силу частныхъ договоровъ и отвѣтственность за нарушеніе его, пришлось бы издать множество новыхъ законовъ, опредѣляющихъ отношенія гражданъ къ государственной власти, обязанности первыхъ, мѣру ихъ вознагражденія и такъ далѣе, т.-е. сила закона стала бы еще нужнѣе.

Надо замѣтить еще, что рѣдкій законъ издается отры-

вочно, отдѣльно отъ другихъ, всѣ они связаны въ одинъ строй, и перестраивать его можно только постепеннымъ измѣненіемъ отдѣльныхъ частей законодательства, перерабатывая все дѣйствующее право. Его нельзя замѣнить однимъ общимъ правиломъ, однимъ хотя бы и ширскимъ началомъ, напр., свободою и равенствомъ, ибо и въ его примѣненіи могутъ быть недоразумѣнія. Такія бывали и у насъ въ первые дни революціи и свободы. Напр., въ кооперативныхъ, какъ и во всѣхъ другихъ обществахъ, издавна принято полное равенство членовъ, но принимать участіе въ дѣлахъ, однако, распоряжаться имуществомъ общества могутъ только его члены. Между тѣмъ на собраніяхъ потребительныхъ обществъ послѣ переворота являлись не-члены и на основаніи свободы и равенства требовали себѣ равнаго голоса съ членами; между тѣмъ люди, случайно зашедшіе на засѣданіе, незнакомые съ постановкой дѣла и нуждами, не могутъ быть поставлены въ уровень съ людьми, которые вложили въ него свой трудъ, свои сбереженія, которые боролись со всѣми трудностями и непріятностями, какія всегда встрѣчаетъ новый кооперативъ. Приравнять къ членамъ не-членовъ было бы также несправедливо, какъ выдавать заработную плату случайному прохожему наравнѣ съ работникомъ, трудившимся цѣлый день.

Революція открываетъ народу возможность измѣнить законы, приспособить ихъ къ народнымъ нуждамъ и къ убѣжденію народной совѣсти. Но революція дѣлаетъ прочное и плодотворное дѣло только тогда, **если она вмѣсто стараго творитъ новое право,** представители народа вырабатываютъ новые законы, а власть ихъ неуклонно примѣняетъ. Жизнь народная, какъ и личная, не можетъ состоять изъ постоянныхъ переворотовъ, перемѣнъ и скачковъ. Всякій шагъ впередъ приходится закрѣплять, чтобы не пришлось потомъ отступать назадъ. Недостаточно для народной жизни и простого голаго признанія свободы и равенства. Должны быть установлены законы, которые бы ограждали эту свободу отъ всякихъ нападеній и насилій. Законы эти при демократическомъ строѣ издаются съ общаго согласія

для блага всего народа, но разъ изданныя они обязательны для всѣхъ, и власть въ правѣ защищать ихъ силой. Чтобы демократическій строй былъ крѣпокъ, однако, нужно, чтобы сознаніе права проникло во всѣхъ гражданъ, чтобы всѣ поняли необходимость добровольнаго подчиненія этимъ законамъ и правительству, представляющему весь народъ; нужно, чтобы закону подчинялись не за страхъ, а за совѣсть, и, чтобы всѣ граждане дружно сами охраняли его противъ всякаго насильника; прежде царскій законъ, представлялся чѣмъ-то враждебнымъ намъ; теперь надо отдѣлаться отъ этого стараго воззрѣнія. Теперь правительство **наше**, теперь мы не подданные, а граждане, и сила нашего новаго демократическаго режима будетъ зависѣть отъ насъ самихъ, нашей сплоченности, сознательности и терпѣнія, потому что мы ясно должны понять, какъ трудно положеніе новаго правительства, какъ много предстоитъ работы по перестройкѣ всего государства. Мы не должны осложнять этой работы всякими недоразумѣніями между собой и не должны требовать, чтобы все дѣлалось сразу, чтобы русская земля чудомъ въ одинъ день превратилась изъ прежняго темнаго царства въ земной рай, гдѣ бы всѣмъ жилось привольно. Это чудо должны сдѣлать мы сами, но не громкими рѣчами, а медленнымъ упорнымъ трудомъ. И если мы когда-нибудь достигнемъ того, что наша родина станетъ прекрасною страною, гдѣ будутъ царить свобода, равенство, миръ и братство, то потомки благословятъ насъ, и окупятся всѣ тѣ жертвы и слезы, которыхъ стоила нынѣшняя великая война, приведшая насъ къ новому строю.

Н. Езерскій.

I. Народныя безѣды.

№ 1. Прив.-доц. Н. С. Арсеньевъ. О нашемъ Временномъ Правительствѣ, о свободѣ и порядкѣ и о защитѣ родины. 11. 6 к.
№ 2. Прив.-доц. А. Н. Елпатьевскій. Почему мы должны побѣдить немцевъ. 11. 7 к.
№ 3. Н. Ф. Бахрахъ. Почему нельзя вѣрить нѣмцамъ. 11ѣна 12 к.
№ 4. Н. Ф. Бахрахъ. Наши союзники французы. 11. 30 к.
№ 5. Прив.-доц. Н. А. Арсеньевъ. О свободѣ и обязанностяхъ гражданина. 11. 7 к.
№ 6 Н. Ф. Бахрахъ. Наши союзники англичане 11ѣна 25 коп.
№ 7. Н. Ф. Бахрахъ. Наши союзники бельгійцы. 11ѣна 25 коп.
№ 8. Н. Ф. Прообразовскій. Управленческій Совѣщанія Совѣтовъ на Западѣ и русское Управленческое Собраніе. 11ѣна 15 коп.
№ 9. Прив.-доц. Г. Н. Сперанскій. Какъ сдѣлалась американская конституція. 11ѣна 15 коп.
№ 12. Прив.-доц. С. Ф. Ленокавичъ. Что такое учредительное собраніе? 11ѣна 5 коп.
№ 13. Проф. А. Ѳ. Ремезовскій. Сложныя государства.
№ 14. Прив.-доц. П. А. Изгоевъ. Я о защитѣ быть гражданиномъ.
№ 15. Прив.-доц. Г. Н. Сперанскій. Великія американскія конституціи. 11. 11ѣна 25 коп.
№ 17. П. Д. Боткинъ. Времена ея царствованія. 11ѣна 20 коп.
№ 18. П. Д. Боткинъ. Революція и офицеры. 11ѣна 20 коп.
№ 21. Прив.-доц. Г. Н. Сперанскій. Всеобщая американская конституція. 11 11ѣна 40 к.

II. Научно-политическая библіотека.

№ 1. Проф. Р. Ю. Виперъ. Соціализмъ и соціальная реформа. 11. 30 к.
№ 2. Проф. Р. Ю. Виперъ. Очерки исторіи соціализма въ новое время. 11ѣна 60 коп.
№ 6. П. Ф. Преображенскій. Парламентаризмъ въ Россіи. 11ѣна 25 коп.
№ 10. Проф. Б. М. Завитневичъ. Исторія ея образованія и развитія. 11ѣна 30 коп.
№ 14. Прив.-доц. Д. П. Коротковскій. Цензура и свобода. 11. 30 к.

Склад. изданій: Москва, Спасобоскій пассажъ, гостин. Шанъ Балканъ, „Трехгорн." Книжный складъ при Обществѣ распространенія Московскаго Университета (Глинск) 3-05-32 и 3-05-34), а также: Одесса, Гостинн. дворъ Скоропадскихъ, кв. НОВОВЕНКАГО.

Того же издательства:

I. Народныя бесѣды.

№ 1. **Прив.-доц. Н. С. Арсеньевъ.** О нашемъ Временномъ Правительствѣ, о свободѣ и порядкѣ и о защитѣ родины. Ц. 6 к.
№ 2. **Прив.-доц. А. Н. Бѣликовъ.** Почему мы должны побѣдить нѣмцевъ. Ц. 7 к.
№ 3. **Н. Ф. Езерскій.** Почему нельзя вѣрить нѣмцамъ. Цѣна 12 к.
№ 4. **Н. Ф. Езерскій.** Наши союзники французы. Ц. 30 к.
№ 5. **Прив.-доц. Н. А. Арсеньевъ.** О свободѣ и обязанностяхъ гражданина. Ц. 7 к.
№ 6 **Н. Ф. Езерскій.** Наши союзники англичане Цѣна 25 коп.
№ 7. **Н. Ф. Езерскій.** Наши союзники бельгійцы. Цѣна 25 коп.
№ 8. **П. Ф. Преображенскій.** Учредительныя Собранія на Западѣ и русское Учредительное Собраніе. Цѣна 15 коп.
№ 9. **Прив.-доц. Г. В. Сергіевскій.** Какъ строилась американская демократія. Цѣна 15 коп.
№ 12. **Прив.-доц. С. Ѳ. Кечекьянъ.** Что такое учредительное собраніе? Цѣна 6 коп.
№ 13. **Проф. А. А. Рождественскій.** Сложныя государства.
№ 14. **Прив.-доц. И. А. Ильинъ.** Что значитъ быть гражданиномъ.
№ 15. **Прив.-доц. Г. В. Сергіевскій.** Великая американская демократія. I. Цѣна 20 коп.
№ 17. **П. Д. Бурскій.** Братанье съ врагомъ. Цѣна 20 коп.
№ 18. **П. Д. Бурскій.** Революція и офицеры. Цѣна 20 коп.
№ 21. **Прив.-доц. Г. В. Сергіевскій.** Великая американская демократія. II Цѣна 40 к.

II. Научно-политическая библіотека.

№ 1. **Проф. Р. Ю. Виппперъ.** Соціализмъ и соціальная реформ Ц. 30 к.
№ 2. **Профессоръ Р. Ю. Виппперъ.** Очеркъ исторіи соціализма в новѣйшее время. Цѣна 60 коп.
№ 5. **П. Ѳ. Преображенскій.** Пангерманизмъ и Россія. Цѣна 25 коп.
№ 10. **Проф. В. М. Хвостовъ.** Женщина въ обновленной культурѣ. Цѣна 40 коп.
№ 12. **Прив.-доц. Д. П. Кончаловскій.** Личность и общество. Ц. 30 к.

Складъ изданія: Москва, Скобелевская площадь, гостиница бывш. „Дрезденъ“ Книжный складъ при Обществѣ младшихъ преподавателей Московскаго Университета (Телеф. 3-96-32 и 3-96 34), а также: Орелъ, Гостиная, домъ Скоропадскихъ, кв. **КОССОВСКАГО.**